

Проблемы общей психологии

Г. А. Балл

Рациогуманистическая ориентация в научной деятельности психологов

Балл Г.А. Рациогуманистична орієнтація в науковій діяльності психологів

У попередніх статтях автора було дано опис головних принципів сучасного гуманізму, звернено увагу на те, що гуманістичними орієнтирами психологи покликані керуватися в різних сферах своєї професійної діяльності, у тому числі в рамках взаємодії психологічних напрямків і шкіл. У даній статті обговорюються шляхи реалізації рациогуманистичного підходу до науково-пізнавальної й науково-комунікативної діяльності в сфері психології. Розкривається значущість для цієї реалізації особистісних властивостей, характерних для людей, що самоактуалізуються.

Ключові слова: рациогуманистичний підхід у психології; принципи сучасного гуманізму; особистість, що самоактуалізується.

Балл Г.А. Рациогуманистическая ориентация в научной деятельности психологов.

В предыдущих статьях автора даётся описание главных принципов современного гуманизма, обращено также внимание на то, что гуманистическими ориентирами психологи призваны руководствоваться в разных сферах своей профессиональной деятельности, в том числе в рамках взаимодействия психологических направлений и школ. В настоящей статье обсуждаются пути реализации рациогуманистического подхода к научно-познавательной и научно-коммуникативной деятельности в сфере психологии. Раскрывается значимость для данной реализации личностных свойств, характерных для самоактуализирующихся людей.

Ключевые слова: рациогуманистический подход в психологии, принципы современного гуманизма, самоактуализирующаяся личность.

Ball G.A. Rational-Humanistic Orientation in Psychologists' Research Activities

In the author's previous articles the basic principles of modern humanism are described. It is noted that the psychologists are expected to be guided by humanistic principles in various spheres of their occupational activities as well as in adhering to different psychological approaches and schools. In this article the subject under discussion is the ways of introducing the rational-humanistic approach into the research cognitive and communicative activities in psychology. Self-actualized people's individual features are considered to be very important in such a project.

Key words: *rational-humanistic approach in psychology, principles of modern humanism, self-actualized personality.*

§ 1. В статье [5], где даётся описание, в психологическом аспекте, главных принципов современного гуманизма, обращено также внимание на то, что гуманистическими ориентирами психологи призваны руководствоваться в разных сферах своей профессиональной деятельности, в том числе в рамках взаимодействия психологических направлений и школ. Настоящая статья (см. также [3, 4]) посвящается раскрытию содержания этого тезиса.

Итак, я исхожу из того, что следование психологов гуманистической ориентации становится полноценным только при условии её распространения на все сферы их профессиональной деятельности, в том числе: практическую; исследовательскую (охватывающую теоретический и эмпирический аспекты исследований); коммуникативную (в частности, образовательную); наконец, методологическую. Во всех этих сферах гуманистическая ориентация предполагает, во-первых, максимальное раскрытие конструктивных возможностей субъекта деятельности и, во-вторых, диалогическое, проникнутое уважением к партнёру и способствующее раскрытию и его конструктивных возможностей взаимодействие с ним; партнёром здесь может быть клиент, исследуемый, студент и т. п., а может быть и представитель другой сферы культуры, другой области знания, другого теоретико-методологического подхода. Такое расширение диапазона действия рассматриваемой ориентации особенно значимо для реализации в гуманистическом ключе мировоззренческой и конструкционистской функций психологии, реализующих влияние на социум как целое [36].

Следуя одному из рассмотренных в [5] принципов, а именно принципу *гармонического рационализма*, я считаю также, что гуманистическая ориентация всех вышеупомянутых сфер деятельности психологов должна реализовываться как *рациогуанистическая*, что предполагает, во-первых, уважение к *интеллектуальной культуре* (и к её воплощениям в науках – «точных» и гуманитарных, а также в философии) и, во-вторых, опору на диалогическое взаимодействие логически обосновываемой и интуитивно постигаемой позиций.

Наконец, я учитываю, что общие психологические (в том числе социально-психологические) закономерности деятельности в полной мере распространяются на деятельность в сфере науки (в частности, человековедческой). Вместе с тем учёный, достигший высокого уровня личностного развития и профессиональной культуры, способен в известной мере трансцендировать упомянутые закономерности (точнее, наиболее распространённые формы их проявления) – регулируя (благо-

даря развитой воле) свои мотивы в направлении большего соответствия важным для него ценностям, выявляя (благодаря развитому мышлению) и признавая (благодаря сформированной интеллектуальной честности) существенные свойства изучаемых явлений, обычно трактуемые искажённо из-за господствующих в социуме или в научной среде стереотипов, и т. п. Характерный пример (взятый у А. Игнатова): хотя ценности, исповедуемые историком, могут вести «к заблуждениям, иллюзиям, ошибкам», но «любовь к истине тоже есть ценность», позволяющая ему гордиться тем, что «он в состоянии преодолеть свои собственные симпатии, в состоянии позволить себе объективность» (цит. по [18, с. 185]).

§ 2. Конкретизацию представленных в § 1 общих положений начну с вопроса о *простоте и сложности* психологических концепций. Критикуя ту или иную концепцию, часто указывают на её непропорциональную упрощённость сравнительно с таким сверхсложным явлением, как человеческая психика. Однако справедливость этих претензий удивительным образом сочетается с предельной простотой тех идей и научных моделей, которые сильнее всего повлияли на развитие психологии как науки и практики. Достаточно вспомнить (ограничиваясь психоаналитической традицией) трёхчленную структуру психики (*Оно, Я, Супер-Я*) по З. Фрейду, или три «Эго-состояния» человека (*Ребенок, Взрослый, Родитель*) по Э. Берну, или три направления движения человека (*к людям, против людей, от людей*) по К. Хорни.

Обращаясь к отечественной психологии, можно констатировать высокую эвристическую силу, опять-таки, очень простых идей. Вот характерные примеры: 1) три качественно различных психических уровня (уровня развития личности) по А.Ф. Лазурскому [23]: при *низком* уровне удовлетворительное приспособление человека к социальной среде не достигается, при *среднем* уровне – достигается, люди же *высшего* уровня в большей или меньшей мере приспособливают среду к себе; 2) формулировки принципа детерминизма в психологии по С.Л. Рубинштейну и по А.Н. Леонтьеву (не привожу их, считая известными читателю); 3) типология жизненных миров человека по Ф.Е. Василюку [10]: указанный мир может быть внутри *простым* или *сложным*, а вовне – *лёгким* или *трудным*, так что комбинирование этих признаков даёт четыре типа жизненных миров.

Итак, несмотря на колоссальную сложность исследуемого объекта, именно простые идеи оказываются полезнее всего в его познании. И понятно, почему: ведь их легко усвоить, и с ними относительно легко работать. Однако успех будет достигнут лишь при условии, что указанные простые идеи ухватили в изучаемом объекте что-то весьма важное. В конце концов, издавна известно: *всё гениальное просто*, – равно как и то, что *не всё простое гениально*. Известно и то, что «научное познание есть неизбежное упрощение реальности... Вопрос не в том, как избежать

упрощения, а в том, как отделить эффективное упрощение от неэффективного» [17, т. I, с. 56].

Впрочем, для серьёзных успехов учёному необходимы не только сугубо когнитивные качества, а и те, которые принято называть собственно личностными. Одно из них – профессиональная смелость в научно-познавательной деятельности, когда мотив обретения истины сильнее мотивов сохранения или достижения социального комфорта. Чаще всего содержание такой смелости трактуют как готовность к выдвижению идей оригинальных, непривычных (даже «сумасшедших» – вспомним известное высказывание Нильса Бора). Но смелость нужна и для обращения – вопреки скепсису коллег – к очевидным, даже банальным истинам. Вместо того чтобы пренебрегать ими, обращаясь к более модным идеям, – выдающиеся психологи не стеснялись как можно полнее раскрывать содержание «банальностей». Ведь и до Берна все прекрасно знали, что взрослые люди сплошь и рядом ведут себя как дети, а дети временами действуют с ответственностью и пониманием ситуации, которым могут позавидовать взрослые. Что же касается вышеупомянутой концепции Хорни, то куда вообще может двигаться человек среди других людей, как не к ним, против них или от них? Видимо, коллеги этих психологов анализом таких «банальностей» пренебрегли. Не сожалели ли они впоследствии?

§ 3. Когда же упрощение в самом деле неправомерно, вредно, в частности в психологическом познании? Вовсе не в случае применения простых моделей, а в случае их (и даже значительно более сложных моделей) *абсолютизации* и *догматизации*. В данном контексте нельзя не вспомнить заявление Абрахама Маслоу: «лично я и фрейдист, и бихевиорист, и гуманист, и к тому же еще разрабатываю то, что может быть названо четвертой психологией – психологией трансценденции» [27, с. 12]. Человеком, воспитанным в советской традиции идейной конфронтации (было принято требовать чёткости идейных позиций, непримиримости к проявлениям буржуазной идеологии и т. п.), это заявление воспринимается как беспринципное. На самом же деле Маслоу понимал: жизнь многогранна, а человек – существо весьма разностороннее. В зависимости от ситуации, в которой он находится, от этапа его личностного развития, от стоящих перед ним проблем, наиболее адекватным может оказаться тот или иной из имеющихся в психологии теоретических подходов. Следовательно, их *плюрализм* – вполне закономерное явление.

Для гуманистической ориентации, в её применении к психотерапии и психологическому консультированию, важнейшим считают принцип *клиентоцентрированности*, обоснованный Карлом Роджерсом. Его суть в том, что ответственным лицом, принимающим решения, является клиент, а психотерапевт, опираясь на свои профессиональные

знания и опыт, оказывает ему необходимую поддержку. Однако речь может идти также о *клиентоцентрированности в обобщённом смысле*. Ведь при оказании помощи конкретному человеку главным для психолога, как и для врача, должно быть благо пациента (или клиента). Если ты не владеешь методом, наиболее подходящим для данного индивида, то передай его другому врачу или психологу. А если владеешь разными методами, то важнее оказать действенную помощь пациенту или клиенту, чем сохранить чистоту своего метода. Плодотворность во многих случаях приёмов, наработанных в рамках гуманистической парадигмы, не исключает необходимости обращаться к другим техникам, когда приходят пациенты «с глубокими и стойкими ожиданиями получить чёткие, конкретные рекомендации по преодолению своих расстройств, отклонений, отрицательных привычек» [14, с. 33].

Такую стратегию психотерапевтической деятельности, когда соблюдению принципов и техник, характерных для определённой научно-практической школы, не уделяется много внимания, а предпочтение безоговорочно отдаётся благу конкретного пациента, принято называть *эклeктической*; «психотерапевт-эклeктик, в зависимости от характера патологии, потребностей и возможностей пациента, использует методы разных направлений психотерапии, достигая положительных изменений в симптоматике, внутреннем мире и поведении больного» [32, с. 692-693]. Казалось бы, чего еще желать? Возникает, однако, вопрос: как согласовать это приятное впечатление с распространённым пониманием эклeктики как «беспринципного объединения, механической смеси разнородных, несовместимых, взаимоисключающих взглядов...» [21, с. 679]? Иногда, правда, к эклeктике относятся снисходительнее, усматривая в ней «закономерный момент в развитии познания, для которого характерны элементы знания, не имеющие единой теоретической основы...» [34, с. 125].

Не включаясь в спор, примем за основу простейшую формулировку: эклeктичность – это неупорядоченность совокупности знаний; ей противостоит их упорядоченность, или, иначе, *системность*. Очерченная выше стратегия психотерапевтической деятельности эклeктична в том смысле, что системные связи, обеспечивающие успех терапии, не отрефлексированы на теоретическом уровне. Это, конечно, является недостатком указанной стратегии, но не обесценивает её. Указанный недостаток преодолевается, в меньшей или большей мере, в рамках так называемой *интегративной психотерапии* [32].

Однако, хотя теоретическая обоснованность психотерапевтического метода весьма желательна, еще важнее практический успех психотерапевта. И если он достигается, причём не в отдельных случаях, а с определённой надёжностью, – это означает, что вышеупомянутые системные связи реализованы в практическом протекании деятельности.

Сошлюсь здесь на Д.И. Дубровского, подчёркивающего совместимость иррациональных механизмов творческого процесса с тем, что «готовый продукт творчества, обладающий существенной социальной ценностью, – это новая, *уникальная целостность* и потому есть по сути своей рациональное качество, которое противостоит хаотичному, разлагающемуся, аморфному, субъективистскому, абсурдному» (цит. по [31, с. 10]).

Итак, эклектичность как таковую не следует оценивать однозначно. А принцип отношения к ней (конечно, не только в психотерапии) должен быть такой: *от эклектичности не опускаться к односторонности, а подниматься к системности.*

Психотерапия, при всей её важности, – лишь пример, иллюстрирующий общеметодологический принцип: не следует абсолютизировать ни один подход к осуществлению деятельности (то ли познавательной, то ли преобразующей), каким бы прекрасным он ни был. А чтобы этот принцип был психологически реализуем, профессионал должен обладать своего рода личностным иммунитетом против подобной абсолютизации.

Мировоззренческая позиция гуманистически ориентированной психологии отличается толерантностью и диалогичностью. В своем отношении к конкретному человеку психолог-гуманист интересуется прежде всего его *положительным потенциалом* и исходит из того, что в принципе этот потенциал значителен, но должен быть раскрыт, актуализирован, поддержан. Кстати, подобную позицию занимали не только деятели, причастные, так сказать, официально к гуманистической психологии. По воспоминаниям Е.А. Климова, его учитель В.С. Мерлин подчёркивал (ссылаясь на А.С. Макаренко и М. Горького), что в людях «важно видеть прежде всего ценное, положительное («Недостатки и дурак заметит», – в сердцах бросил он как-то)» [19, с. 115].

Констатируя значимость такого отношения к людям, спросим себя: не должно ли быть аналогичным гуманистическое отношение к разным позициям (подходам, концепциям и т. п.) в науке, в профессиональной деятельности вообще, в общественной жизни? Не следует ли сосредоточиваться в восприятии позиций, отличных от своей, прежде всего на их положительном потенциале, на возможностях их *конструктивного развития* (как это делает психотерапевт-гуманист, воспринимая клиента, или педагог-гуманист, воспринимая ученика) – и оказывать содействие такому развитию указанных позиций (а вместе с тем и своей собственной) средствами *диалога*? Что же касается критики (значение которой как составляющей научного дискурса не может быть поставлено под сомнение), то она должна направляться не только на позицию партнёров по диалогу, а и на собственную (или собственной научной школы) позицию.

§ 4. Продолжим начатое в § 3 обсуждение тенденции к абсолютизации и догматизации положений той или иной концепции. Как правило, такая тенденция более характерна для последователей основателя концепции, чем для него самого. Сравним хотя бы позицию А. Маслоу относительно бихевиористической психологии (вплоть до признания самого себя, в частности, и бихевиористом – см. приведенную в § 3 цитату; это, конечно, не исключало убеждения в *недостаточности* бихевиоризма) и саркастическую трактовку её К. Аантусом [1] как «психологии крысы».

К числу факторов, способных объяснить отмеченную закономерность, по-видимому, относятся:

– бóльшая креативность и талантливость, более широкая эрудиция, более высокий уровень духовной культуры основателя школы по сравнению с его последователями;

– бóльшая роль отстаиваемой концепции в самоидентификации последователей сравнительно с основателем школы; соответственно, как это ни удивительно, – её бóльшая субъективная ценность для них, чем для него. Издавна пользуется признанием мысль, что творец, тем паче гениальный, выше своих произведений, при всех их достоинствах. При другом стечении обстоятельств он мог бы создать другое произведение (в частности, другую научную концепцию), чем то, которое его прославило, – и он сознаёт это;

– более важная для круга последователей, чем для основателя концепции, роль последней как фактора групповой идентификации, объединения группы и успеха в соперничестве с другими школами; в результате – обретение концепцией черт своеобразной идеологии, с характерным для таких образований тяготением к упрощению высказываемых идей, подмене теоретически обоснованных утверждений лозунгами, резкому противопоставлению своей позиции другим подходам и т. п.;

– заинтересованность – при популяризации концепции, её преподавании студентам, написании учебников и справочников и т. п. – в её представлении, хотя бы ради лучшего запоминания, в упрощённой, максимально чёткой, даже афористической форме. При этом пренебрегают той опасностью, что такая трансформация обеднит (а то и существенно исказит) содержание концепции.

Яркий пример неправомерного упрощения идей основателя научной школы приведу из сопредельной с психологией области – лингвистики. Тщательные текстологические исследования показали, что знаменитое положение «единственным и настоящим объектом лингвистики является язык, рассматриваемый в самом себе и ради себя», которое долгое время приписывали Фердинанду де Соссюру, на самом деле ему не принадлежит; это положение «произвольно – для придания ост-

роты изложению – внесли издатели курса лекций своего учителя Л. Сеше и Ш. Балли...» (цитирую Н.В. Бардину [7, с. 16]). И дело не только в том, что Соссюр не писал той пресловутой фразы, – он думал иначе. Он, «как показывают его опубликованные позднее записи, вовсе не собирався ограничиться моделированием только того, что он назвал *языком* (*langue*); им было задумано создание двух параллельных, дополняющих друг друга лингвистик – “лингвистики языка» и “лингвистики речи»» [7, с. 17].

Приведённый пример наглядно демонстрирует, насколько глубже и дальше от догматизма подлинная позиция выдающегося ученого по сравнению с той, которую принято ему приписывать.

Вместе с тем искажения (и вытекающая из них компрометация) идей основателя научной школы не обязательно связаны с насилием над его текстом; иногда, наоборот, они становятся следствием чересчур буквального восприятия последнего. По большей части не учитывают, что напряжённая (и в когнитивном, и в социально-психологическом плане) ситуация выдвижения новых идей, естественные в таких условиях эмоции побуждают к *провозглашению* этих идей в обострённой форме, с применением гипербол, метафор и т. п. – вообще, по законам скорее публицистического, чем научного дискурса. Со временем, так сказать, в спокойной обстановке или сам автор, или его последователи и комментаторы должны бы позаботиться о том, чтобы, сохраняя содержание выдвинутых идей, *изложить* их в форме, максимально соответствующей принятым в науке логико-методологическим нормам (пусть в их характерном для гуманитарной сферы смягчённом варианте). К сожалению, психологи склонны пренебрегать этим требованием и путать метафорические утверждения с собственно теоретическими.

В этом плане не посчастливилось, как мне кажется, научному наследию А.Н. Леонтьева. Я имею в виду прежде всего его известный тезис: «Предмет деятельности есть её действительный мотив» [25, с. 153]. Истолкованный буквально, при обычном понимании предмета деятельности как (чаще всего) внешнего относительно субъекта, он выглядит едва ли не абсурдным. В самом деле, при таком толковании он искусственно изымает мотив из системы связанных с ним компонентов психики (таких как потребность, цель, установка), пренебрегает случаями искажённого, ошибочного отображения психикой тех или иных объектов, игнорирует осуществлённое Л.С. Выготским [13, с. 284-285] чёткое различение стимула и мотива. Между тем, всё становится на свои места, если принять, что в обсуждаемом тезисе словосочетание «предмет деятельности» употреблено метафорически. Тексты А.Н. Леонтьева дают для этого достаточные основания. Не говоря уже о многих конкретных примерах, не оставляющих сомнения в понимании автором мотива как психического явления, А.Н. Леонтьев неоднократно высказывает в об-

шей форме мысль о том, что для мотива существовать – «значит существовать для субъекта, ... быть отражённым, как-то представленным в голове субъекта» [24, с. 181], что именно отражаемый объект приобретает функции побуждения и направления деятельности, «то есть становится мотивом» [25, с. 205]. Так что адекватной представляется интерпретация идей А.Н. Леонтьева в том смысле, что мотивом становится психический образ предмета деятельности. При такой интерпретации устраняются недоразумения, обусловленные буквалистским пониманием метафорического утверждения, – и вместе с тем полностью сохраняется главный смысл трактовки мотивов А.Н. Леонтьевым – акцентирование *предметной отнесённости мотива*, благодаря чему понятие «мотив» приобретает качественную определённую (в отличие от распространённого отождествления мотива с любым относительно устойчивым психическим звеном в детерминации поведения).

Впрочем, при всех претензиях к пылким приверженцам той или иной научной школы, их роль надо оценивать справедливо: без их усилий, направленных на распространение, разъяснение, отстаивание, практическое внедрение идей основателя, его достижения нередко могли бы остаться «вещью в себе». К сожалению, платой за вхождение концепции в реальную жизнь является, как правило, её меньшая или большая вульгаризация.

§ 5. Сознвая ограниченность своего знания об очень сложных объектах (изучаемых, в частности, психологией), не следует впадать из-за этого в отчаяние. Носитель знания должен применять его – но осторожно, понимая и учитывая его неполноту; вместе с тем он должен это знание совершенствовать – в частности, через взаимодействие с другими вариантами знания о том же объекте. Справедливо отмечается, что «я могу принять частичную и относительную истину, которой я обладаю, за полную и абсолютную. И как только я сделаю это – я перестану обладать истиной, истина превратится в заблуждение. Ибо всякая частичная истина есть частичное заблуждение, и она поворачивается стороной заблуждения к человеку, абсолютизирующему её» [17, т. II, с. 311-312].

Возникает вопрос: надо ли, чтобы пропагандировать и внедрять в жизнь определённые идеи, прежде всего *верить* в их истинность? Я бы счёл полезной следующую установку (в которой находит конкретизацию более общая установка гуманистически ориентированного социального поведения – *принцип неконфронтационной солидарности* (см. [5, 29]): отстаивая определённые идеи, учёный, конечно, должен верить, но не в их абсолютную истинность, а в две вещи:

во-первых, в то, что эти идеи, при всех их недостатках и ограничениях, необходимы для решения тех или иных задач – научно-познавательных или практических (социальных, производственных, пе-

дагогических и т. п.), что указанные идеи имеют, по крайней мере в определённых отношениях, преимущества перед другими идеями относительно тех же объектов, поэтому они обязательно должны звучать в диалоге (претендующем на плодотворность) с упомянутыми другими идеями;

во-вторых, в то, что именно данный субъект деятельности, поскольку определённые идеи близки ему, призван отстаивать, применять и развивать их, представлять их в упомянутом диалоге, во взаимодействии с другими идеями – и таким образом содействовать прогрессу науки и практики.

Самоидентификацию ученого с тем или иным научным направлением можно рассматривать как частный случай идентификации с социальной ролью. Для высокоразвитой личности такая идентификация (и в общем случае, и в том частном, который сейчас нас интересует) является весьма значимым и ответственным актом, но вместе с тем не является фанатически-безоговорочной. В проекции на процесс развития науки такой характер самоидентификации учёных способствует утверждению научного направления, с которым они идентифицируются, в его определённости и специфичности и вместе с тем предотвращает его абсолютизацию, поддерживая необходимую для творческого развития степень самокритичности. Рассмотренная установка исключает – считая неуместными в науке – и фанатизм, и проникнутую равнодушием к содержанию идей, граничащую с цинизмом так называемую «праздную» толерантность [35].

§ 6. В современной философии и методологии науки принято различать объект и предмет познания, разграничивая содержание этих понятий примерно так: *объект* – это некий целостный фрагмент мира, привлекая внимание исследователя (вообще – познающего субъекта), а *предмет* – это репрезентация объекта в познавательной деятельности субъекта, явившаяся результатом осознания субъектом объекта как того, что познаётся им. При этом, наверное, одним из общих методологических принципов науки следует считать положение, согласно которому вычленимые исследователем предметы и осуществляемые с этими предметами действия должны *соответствовать специфике исследуемых объектов*. Кстати, этот принцип можно трактовать как обобщение на сферу взаимодействия исследователя с исследуемыми объектами определяющей установки гуманистического мировоззрения, требующей от каждого субъекта уважения к субъектам, с которыми он взаимодействует. Оказывается, что в некотором смысле *объекты тоже заслуживают уважения*.

В частности, когда речь идет об объектах, способных развиваться, – то эту способность необходимо учитывать в процессе познания, что побуждает использовать не только статические, а и динамические

модели. В таких случаях «действительное познание и понимание объекта исследования возможно лишь при условии прослеживания возникновения и становления данного объекта. Так что с генетической точки зрения, чтобы понять, что такое личность, следует объяснить и показать (воссоздать в моделях) процесс её становления...» [26, с. 82]. Часто от динамических моделей требуется не только отображение прошлого, а и прогнозирование будущего, осуществляемое в форме фиксации его вариантов, вероятных при тех или иных условиях. Концепция «зоны ближайшего развития» по Л.С. Выготскому служит здесь прекрасным примером.

Впрочем, с развивающимися объектами имеют дело многие науки, в том числе естественные – такие как космология, геология, целый ряд биологических дисциплин. Наиболее выразительной особенностью основных объектов психологии человека (да и человековедения вообще) является наличие у них *субъектных* качеств, прежде всего – *сознания*. В необходимости адекватного учёта этой особенности состоит, по всей видимости, главный вызов, стоящий перед науками о человеке. Обсуждая этот вызов, часто приводят слова М.М. Бахтина: «Точные науки – это *монологическая* форма знания: интеллект созерцает вещь и высказывает о ней. Здесь только один субъект – познающий (созерцающий) и говорящий (высказывающийся). Ему противостоит только безгласная вещь. Но субъект, как таковой, не может восприниматься и изучаться как вещь, ибо как субъект он не может, оставаясь субъектом, стать безгласным, а значит, *познание его может быть только диалогическим*» [8, с. 364] (выделено мной – Г.Б.).

В [3] анализируются разные стратегии реагирования на требование, сформулированное Бахтиным. Здесь ограничусь рассмотрением одного вопроса: не противоречит ли принципу учета субъектных качеств исследуемых лиц практика психологического экспериментирования, например, в сфере изучения познавательных процессов? На первый взгляд, противоречит существенно: исследуемый должен выполнять данное ему задание, каковы бы ни были его желания и взгляды (которые, при данной цели исследования, по большей части не интересуют экспериментатора). Однако реально, если только эксперимент хорошо организован, происходит нечто иное. Исследуемые (часто это студенты психологических факультетов), как правило, стараются, во-первых, сотрудничать с экспериментатором и, во-вторых, продемонстрировать наилучшие результаты, на какие способны. Именно потому, что они проявляют эти субъектные качества (и в той мере, в какой они их проявляют), экспериментатор обретает право, изучая психические функции, как бы абстрагироваться от субъектности исследуемых. В лаборатории, отмечает Р. Мэй, «присущий человеку элемент решения и ответственности за собственную экзистенцию временно приостановлен ради цели

эксперимента» [28, с. 134]. Но если исследуемый сознательно идет на такую приостановку, то тем самым реализует специфическим образом свою субъектность.

Исходя из сказанного, я решаюсь на такой комментарий к приведённой выше бахтинской максиме. Конечно, нет сомнения в том, что субъект «не может, оставаясь субъектом, *стать безгласным*» (выделено мной – Г.Б.). Но он – если примет такое решение – вполне может (в соответствии с только что процитированными словами Мэя) *временно замолчать* или, скажем, подстроить свой голос под чей-то. Более того, он тем лучше реализует такую установку, чем выше уровень его субъектности (моральная оценка его поведения будет зависеть от характеристик ситуации и здесь не обсуждается). Экспериментатору же всегда следует помнить о субъектности (пусть «приглушаемой») испытуемого – и при организации эксперимента, и в процессе его осуществления, и при интерпретации его результатов. Учёт субъектных качеств испытуемых получает всё большее признание даже в областях психологии, наиболее близких к естествознанию. Так, интересные результаты в психофизике, где ранее господствовала традиция «молчаливого испытуемого», были получены К.В. Бардиным благодаря тому, что он отнёсся к исследуемому «как к субъекту, способному рассказать о том, каким образом он выполняет экспериментальное задание» [12, с. 137].

§ 7. Не следует забывать и о том, что принципы гуманистически ориентированного социального поведения включают, наряду с уважением к партнёру, и *уважение к себе* – а также, конечно, к сообществам, с которыми идентифицирует себя человек. Для учёного такие сообщества могут быть выделены на разных уровнях – начиная, скажем, со своей научной школы и завершая мировым научным сообществом. Весьма важен промежуточный уровень – сообщество научных работников своей специальности; таким, в частности, является (или должно быть?) мировое научно-психологическое сообщество.

Как известно, в современном массовом сознании авторитет этого сообщества и степень знания и принятия его принципов и достижений, мягко говоря, невысоки – разве что речь идет о констатации генетически обусловленных психологических качеств (к осознанию, временами преувеличенному, значимости генов общество привыкло). Не буду анализировать здесь причины этого состояния дел, но отмечу досадное обстоятельство: недостаток уважения к указанным принципам и достижениям сплошь и рядом проявляют (скорее всего, невольно) сами психологи. Такую тенденцию можно усмотреть, например, в следующей характеристике гуманитарной методологии в интересной работе С.Л. Братченко: «Самым важным становится не столько понимание неких фактов и влияния на них тех или иных факторов, условий, механизмов и т. п., сколько *отношение* человека к этим фактам и воздействиям,

смысл, который они для него приобретают» [9, с. 16]. Но именно отношения и смыслы являются важнейшими *психологическими фактами*, и кому как не психологам на этом настаивать! Кому как не психологам выяснять факторы, условия, механизмы появления и изменения упомянутых отношений и смыслов – в максимальной мере принимая во внимание индивидуальные особенности людей, с которыми работает психолог (о чём справедливо пишет Братченко), но учитывая и более общие *психологические закономерности* и опираясь при этом на достижения учёных-предшественников в их выявлении...

В более широком плане следует подчеркнуть безосновательность противопоставления наличия у человека субъектных качеств, с одной стороны, и подчинения его поведения определенным закономерностям, с другой. Сводить эти закономерности к тем, которые имеют «безгласные вещи», в терминологии М.М. Бахтина (см. выше, § 6), так же неправильно, как вообще игнорировать наличие или значимость таких закономерностей. Остроумно комментируя тезис Ж.-П. Сартра «экзистенция предшествует эссенции» («существование предшествует сущности»), Пауль Тиллих писал: «...Если спросить: не содержит ли это предложение, вопреки его интенции, какого-либо утверждения относительно сущностной природы человека, – мы должны ответить: да, содержит! Особая природа человека состоит в его способности творить себя» (цит. по [28, с. 133]).

§ 8. Уважение к себе, о котором идёт речь в § 7, является сущностным свойством самоактуализирующихся людей. Как отмечал А. Маслоу, для них характерно также открытое, спокойное, максимально непредубеждённое отношение к миру, в частности к новым ситуациям, существенно отличающимся от тех, которые присутствовали в опыте данного человека. Для учёного это прежде всего принципиально новые познавательные ситуации, с которыми сталкивается, например, воспитанный в духе классической методологии исследователь при невозможности абстрагироваться от влияния, которое он оказывает на исследуемый объект. Упомянутое отношение к миру находит проявление и в готовности привлекать для использования в научно-познавательной деятельности разнообразнейшие источники (литературные, медийные, присутствующие в личном опыте и пр.), даже при их сомнительной в том или ином плане репутации либо непричастности, как кажется поначалу, к исследуемому предмету. Необходимо лишь, чтобы использование, о котором идёт речь, содействовало решению стоящей перед учёным задачи и отвечало принципиальной нацеленности на достижение истины. Здесь прослеживается аналогия с хрестоматийными строками Ахматовой о том, «из какого сора растут стихи, не ведая стыда». Главным в обоих случаях – и в поэзии, и в науке – является не то, *что* используется, а то, *как* используется.

Например, отдельная история из человеческой жизни или эксперимент, проведённый на слишком малой выборке, не могут служить основанием для констатации психологических закономерностей, но основаниями для формулирования исследовательской задачи или для выдвижения гипотезы они вполне могут быть. Тем не менее включать такого типа материалы, скажем, в диссертации обычно опасаются. На мой взгляд, такие опасения излишни – при условии, что ясно сказано, в какой функции используются подобные материалы.

Отмеченный в § 7 недостаток уважения психологов-исследователей к своей науке, уверенности в себе как в полноценных учёных, одним словом – элементы комплекса неполноценности, – предопределяют настороженное отношение многих из них ко взаимодействию с другими науками. В моей статье [2] был поставлен под сомнение тезис М.Г. Ярошевского, согласно которому реальность, обозначаемая психологическими понятиями, «не высвечивается, а затемняется, когда на нее проецируются схемы, сложившиеся при исследовании явлений других порядков» [36, с. 443]. Я отдал предпочтение другой формулировке этого выдающегося психолога (а именно: «И в дальнейшем успех следует ожидать там, где психологическая мысль будет взаимодействовать “на равных» с другими направлениями, а не растворяться в них» [36, с. 443-444]), а также тезису Л.М. Веккера: «... единый научный аппарат современной психологии складывается в результате взаимодействия пограничного, *внепсихологического* и собственно *внутрипсихологического* научного развития» [11, с. 6]. Обе последние формулировки, хотя и не содержат термина «диалог», но фактически (и справедливо) делают акцент на диалогических механизмах развития науки.

Что же касается первого процитированного тезиса М.Г. Ярошевского, то я теперь уточнил бы свою позицию, признав его правильность как *эмпирического обобщения* проанализированной Ярошевским научной практики. Но данный тезис не имеет теоретического обоснования и противоречит более широкому опыту взаимодействия наук. Как отмечалось в указанной статье, упоминая Ярошевским «проекция схем», или, иными словами, использование аналогий между разнородными явлениями, – это один из приёмов, полезность которых подтверждена историей науки. Подобную же мысль высказал недавно акад. В.С. Стёпин: «Позиция, согласно которой в гуманитарных науках всё не так, как в естественных, скрыто означает, что в этой области (в гуманитарных науках. – Г. Б.) нельзя ничего привлекать из методологии, развитой на материале естествознания. Но тогда мы закрываем путь, которым чаще всего шло человеческое познание» – цит. по [16, с. 60].

Конечно, надо находить адекватные *способы* обсуждаемого привлечения. В моей вышеупомянутой статье рассматривается вопрос о том, как достичь эффективного взаимодействия психологии с формали-

зованными дисциплинами, избегая опасных соблазнов упрощенчества. Речь шла, среди прочего, о том, как согласовать *недизъюнктивность* (континуальность) основных *процессов*, изучаемых психологической наукой (это их свойство, глубоко проанализированное А.В. Брушлинским, находит проявление, в частности, во взаимопроникновении стадий этих процессов, отсутствии между такими стадиями чётких границ), с *дизъюнктивностью понятийных моделей*, создаваемых в сотрудничестве с формализованными дисциплинами? Оказывается, такое согласование вполне возможно. Но оно требует: во-первых, построения достаточно густой сети дизъюнктивных понятий; во-вторых, сочетания разных вариантов соотнесения реальных (изменчивых и противоречивых) объектов с элементами указанной сети. Итак, снова находит подтверждение сформулированный выше принцип, предусматривающий внимание не только к тому, *что* используется, но, главное, к тому, *как* используется. Неприемлемы односторонние взгляды, которые безоговорочно то ли приветствуют, то ли отвергают применение в психологии формализованных моделей. Такое применение возможно и полезно – но при условии, что его технология отвечает требованиям, которые раскрывает методологический анализ.

§ 9. Препятствиями на пути использования каких-либо источников и средств в психологических исследованиях оказываются не только сомнения то ли в их надёжности и информативности, то ли в причастности к сфере психологии или сущностной связи с ней. Помимо этого, могут возникать сомнения в *ценностной приемлемости* потенциальных источников.

Хорошо, что существовавший в СССР грубый идеологический и административный диктат в сфере научной деятельности и коммуникации (вплоть до жёсткого табу на публичное упоминание широкого круга персоналий и тем) ушёл в прошлое. Но никуда не делись (и не денутся) социально-психологические влияния на ученых – как и их собственный конформизм. В этой связи уместно вспомнить, однако, что самоактуализирующиеся люди гораздо меньше, чем прочие, склонны к конформизму. Их, писал А. Маслоу, «не смущает, если 95% населения не согласны с ними» [27, с. 18].

Реальное освобождение учёных от остатков тоталитарной ментальности требует не примитивных инверсий (когда сжигают то, чему поклонялись), а последовательного преодоления моделей коммуникативного поведения в науке, которые, подчиняя это поведение вненаучным факторам, наносят ущерб и науке, и общественной морали. Вместо этого учёный должен сосредоточиваться на *сути дела*.

Ныне осуждается характерная для советского времени политизация общественных наук и философии. Однако, не проявилась ли такая политизация и в постсоветский период, например в той инверсии, кото-

рую испытало доминирующее отношение к диалектическому материализму? Из того факта, что коммунистический тоталитаризм предоставлял монополю статус этому философскому направлению (и тем способствовал его вульгаризации), отнюдь не вытекает сущностной связи между ними. На такой связи (не употребляя, конечно, термина «тоталитаризм») настаивали как раз коммунистические идеологи, равно как и на том, что «буржуазная философия» является служанкой капиталистов.

Что же касается *сути дела*, то я бы прислушался к В.М. Князеву, который, рассматривая соотношение между объективной и субъективной реальностью, подчёркивает, что «диалектико-материалистическое решение этого вопроса является вполне правомерным» [20, с. 74] (предостерегая вместе с тем против признания его «единственно истинным» [там же]). В нынешней философской литературе встречаются очень разные оценки диалектического материализма – от его характеристики как «тщательно разработанной, стройной и последовательной философской системы, не уступающей по своей глубине и смелости философским системам Канта, Гегеля, позитивизма и т. п.» [30, с. 20], до утверждения, что продолжающиеся в его рамках дискуссии осуществляются «на предельном удалении от стержневых вопросов современного философствования» [15, с. 308]. Обратим, однако, внимание на то, что приведённые суждения не так сильно противоречат друг другу, как кажется. В самом деле, они резко различаются *смыслами*, которые имеет для их авторов предмет «диалектический материализм», в них легко усмотреть противоположные *отношения* к этому предмету, но высказанные в них историко-философские *значения*¹ (не будем выяснять, насколько истинные) не являются несовместимыми: ведь эти суждения очерчивают место диалектического материализма в мировой философии, прибегая к разным временным масштабам – масштабу столетий в первом случае и масштабу десятилетий во втором. Это обстоятельство служит благоприятной предпосылкой для возможного диалога между приверженцами представленных позиций.

Однако независимо от перспектив такого диалога, есть веские основания считать, что эвристический потенциал диалектического материализма не исчерпан. Сказанное подтверждается, в частности, тем, что «спиральность развития вообще составляет одну из наиболее фундаментальных и закономерных его форм»; при этом интегративные возможности спирали как образа-модели «были раскрыты лишь в диалектике – сначала гегелевской, а потом и (в основном) марксистской... Именно в диалектике определился мировоззренческо-методологический

---

¹ Понятия значения и смысла трактуются здесь по А.Н. Леонтьеву; см. также попытку развития этой трактовки в [6].

статус «спирали», заработал в полную силу её метапаттерновый потенциал» [33, с. 42].

Со спиральным характером процесса развития – когда при сопоставлении трех последовательных (реальных или возможных, виртуальных) стадий развития системы оказывается, что третья стадия в чем-то повторяет первую, но на новом уровне, – мы сплошь и рядом встречаемся и в сфере психологии. Достаточно обратиться хотя бы к концепциям периодизации личностного развития. Вообще, ориентация на общие диалектические закономерности бытия способна помочь психологам в осмыслении получаемых ими результатов и выдвижении гипотез, подлежащих проверке в ходе дальнейших исследований (см. [22]). Зачем отказываться от таких возможностей? Неужели из-за того, что тоталитарные режимы старались использовать диалектический материализм в своих целях?

Обобщая сказанное в §§ 8 и 9, можно обратиться к психологам с призывом: в соответствии с присущей гуманистическому мировоззрению установкой на открытое и непредубежденное отношение к миру (в том числе к людям, к человеческим сообществам, к феноменам культуры), не отвергайте в своей работе никаких источников и средств, какими бы несолидными, экзотическими или якобы скомпрометированными они ни были. Но пользуйтесь ими *разумно*, сосредоточивая внимание на *сути дела* – что и позволяет говорить о следовании *рациогуманистической ориентации*.

Литература

1. Аантус К. Головна течія у психології та гуманістична альтернатива / К. Аантус // Гуманістична психологія: Антологія в 3 т. / За ред. Р. Трача, Г. Балла. – Т. 1. Гуманістичні підходи в західній психології ХХ ст. – К.: Пульсари, 2001. – С. 23–36.
2. Балл Г. А. Проблемы взаимодействия психологии с формализованными научными дисциплинами / Г. А. Балл // Психол. журн. – 1989. – Т. 10. – № 6. – С. 34–39.
3. Балл Г. А. Методолого-психологічні роздуми в гуманістичному контексті / Г. А. Балл // Соціальна психологія. – 2006. – № 4. – С. 3–14; 2007. – № 2. – С. 14–26; 2007. – № 6. – С. 3–16; 2009. – № 1. – С. 3–21.
4. Балл Г. А. Принцип самоприменимости гуманистически ориентированной психологии / Г. А. Балл // Горизонты образования. – Севастополь, 2008. – № 2. – С. 6–21.
5. Балл Г. А. Психологические принципы современного гуманизма / Г.А. Балл // Вопр. психологии. – 2009. – № 6. – С. 3–12.

6. Балл Г. О. Идеали вченого у контексті понять значення і смисли / Г. О. Балл // Наукові записки Інституту психології ім. Г.С. Костюка АПН України / За ред. акад. С.Д. Максименка. – К.: ТОВ «Ніка-Центр», 2009. – Вип. 37. – С. 76–90.
7. Бардина Н. В. Языковая гармонизация сознания / Н. В. Бардина – Одесса: Астропринт, 1997. – 271 с.
8. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин – М.: Искусство, 1979. – 424 с.
9. Братченко С. Л. Введение в гуманитарную экспертизу образования / С. Л. Братченко. – М.: Смысл, 1999. – 137 с.
10. Василюк Ф.Е. Психология переживания: Анализ преодоления критических ситуаций / Ф. Е. Василюк. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. – 200 с.
11. Веккер Л. М. Психические процессы / Л. М. Веккер. В 2 т. Т. 1. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1974. – 334 с.
12. Воловикова М. И. Мастер психологии (штрихи к портрету К.В. Бардина) / М. И. Воловикова // Психол. журн. – 2000. – Т. 21. – № 2. – С. 136–137.
13. Выготский Л. С. Собр. соч. / Л. С. Выготский: В 6 т. Т. 3. – М.: Педагогика, 1983. – 368 с.
14. Гільбух Ю. З. Из досвіду реалізації гуманістичної парадигми у психотерапії / Ю. З. Гільбух // Міжнародний семінар з гуманістичної психології та педагогіки (Рівне, 15 – 17 червня 1998 р.): Тези доповідей і повідомлень. – Рівне: Ліста, 1998. – С. 32–33.
15. Грицанов А. А. Диалектический материализм / А. А. Грицанов // Всемирная энциклопедия: Философия / Главн. науч. ред. и сост. А.А. Грицанов. – М.: АСТ; Мн.: Харвест, Современный литератор, 2001. – С. 307–308.
16. Гуманитарная наука как предмет философско-методологического анализа (материалы «круглого стола») // Вопр. философии. – 2007. – № 6. – С. 57–82.
17. Ерёмченко А. История как событийность / А. Ерёмченко: В 2 т. – Луганск: РИО ЛАВД, 2005. – Т. I. – 544 с.; Т. II. – 496 с.
18. Кантор В. К. [Рецензия на кн.:] Ignatow A. Chronos im Blickfeld von Klio: Versuch einer Erkenntnistheorie der Historie / В. К. Кантор // Вопр. философии. – 2003. – № 1. – С. 184–186.
19. Климов Е. А. А.Н. Леонтьев – человек могучего действия / Е. А. Климов // Психология в вузе. – 2003. – № 1–2. – С. 112–115.
20. Князев В. Н. Философия физики / В. Н. Князев // Философия науки. Методология и история конкретных наук: Учебное пособие. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2007. – С. 68–112.
21. Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник / Н. И. Кондаков – М.: Наука, 1975. – 720 с.

22. Костюк Г. С. Избр. психологические труды / Г. С. Костюк. – М.: Педагогика, 1988. – 304 с.
23. Лазурский А. Ф. Классификация личностей / А. Ф. Лазурский: Изд. 3-е, перераб. – Л.: Госиздат, 1924. – 290 с.
24. Леонтьев А. Н. Психология искусства и художественная литература / А. Н. Леонтьев // Литературная учеба. – 1981. – № 2. – С. 177–185.
25. Леонтьев А. Н. Избр. психол. произв. / А. Н. Леонтьев: В 2 т. – М.: Педагогика, 1983. – Т. II. – 320 с.
26. Максименко С. Д. Методологічний статус категорії «нужда» в психології особистості / С. Д. Максименко // Актуальні проблеми соціології, психології та педагогіки: Матеріали Всеукраїнської науково-практичної конференції «Тенденції розвитку психології в Україні: історія та сучасність». – К.: Либідь, 2006. – С. 80–89.
27. Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы / А. Маслоу. – М.: Смысл, 1999. – 425 с.
28. Мей Р. Становлення екзистенційної психології / Р. Мей // Гуманістична психологія: Антологія в 3-х т. / За ред. Р. Трача і Г. Балла. – Т. 1. Гуманістичні підходи в західній психології ХХ ст. – К.: Пульсари, 2001. – С. 124–162.
29. Назаретян А. П. Архетип восставшего покойника как фактор социальной самоорганизации / А. П. Назаретян // Вопр. философии. – 2002. – № 11. – С. 73–84.
30. Никифоров А. Л. Философия в системе высшего образования / А. Л. Никифоров // Вопр. философии. – 2007. – № 6. – С. 17–23.
31. Новые информационные технологии и судьбы рациональности в современной культуре: Материалы «круглого стола» // Вопр. философии. – 2003. – № 12. – С. 3–52.
32. Психотерапевтическая энциклопедия / Под ред. Б. Д. Карвасарского. – СПб.: Питер, 1998. – 752 с.
33. Семаго М. М. О некоторых универсалиях образа познания / М. М. Семаго // Мир психологии. – 2009. – № 4. – С. 39–47.
34. Філософський словник / За ред. В. І. Шинкарука. – К.: Головна редакція УРЕ, 1973. – 600 с.
35. Шугуров М. В. «Праздная» толерантность: постмодернистский сценарий / М. В. Шугуров // Обществ. науки и современность. – 2003. – № 5. – С. 140–149.
36. Юревич А. В. Социальная релевантность и социальная ниша психологии / А. В. Юревич // Психол. журн. – 2006. – Т. 27. – № 4. – С. 5–14.
37. Ярошевский М. Г. Психология в ХХ столетии: Теоретические проблемы развития психологической науки / М. Г. Ярошевский. – М.: Политиздат, 1974. – 447 с.